

Ард Ри: Последний король Ирландии

Алексей Кукушкин

Алексей Кукушкин

**Ард Ри: Последний
король Ирландии**

«Автор»

2026

Кукушкин А. Н.

Ард Ри: Последний король Ирландии / А. Н. Кукушкин —
«Автор», 2026

Год 1258-й. Брайан ОКоннор, прямой потомок легендарных королей Коннахта, решается на дерзость, которой не знали со времен Брайана Бору, а именно, он принимает титул Верховного короля Ирландии — Ард Ри. Но корона, возложенная на него в разгар зимы, не просто символ власти, а вызов англо-норманнским лордам, это призыв к объединению разрозненных вождей, это надежда, которая может сгореть за одно утро. Пока Генрих III ищет мира с Уэльсом, а шотландцы тайно сговариваются с Лливелином, судьба Ирландии решается в тени Дублина. Брайан знает, что враги сильнее, их цепи ковались веками, но даже обреченный на поражение народ имеет право на свою последнюю битву. Перед Вами история: о годе надежды, о заговоре королей и о человеке, который дерзнул назвать себя властелином острова, когда весь мир ополчился против него.

© Кукушкин А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Город на болоте	8
Южный бастион	11
Тень в ночи	17
Смотр у стен Типперери	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Кукушкин

Ард Ри: Последний король Ирландии

Начало

Я стою на холме над озером Ри, и ветер доносит запах торфа и древней крови, той самой, что пролилась здесь семьсот шестьдесят восемь лет назад. Сегодня я хочу рассказать вам не просто историю, я хочу провести вас по тонкому льду, когда мир Британских островов трещал по швам, и каждый народ выбирал свою судьбу. Вы когда-нибудь чувствовали, как земля уходит из-под ног? Англичане почувствовали это в июне, когда бароны во главе с Симоном де Монфором ворвались в Оксфордский дворец и швырнули королю Генриху III список требований.

«Подпиши, или мы найдем другого короля», — сказали они, и Генрих, трясущийся от страха, поставил свою печать на «Оксфордские провизии». С этого момента английская корона стала игрушкой в руках знати, а окраины королевства: Уэльс, Шотландия и Ирландия, ощутили слабость хозяина как дозволение дышать свободно.

«Генрих Плантагенет — не воин, он монах в короне», — шептались при дворе, и это было правдой. Король, больше любивший искусство и церковные песнопения, чем меч и седло, увяз в собственных долгах и раздавал английские земли своим французским родственникам, чем бесил баронов до зубовного скрежета. Я представляю его лицо в тот момент, когда бароны зачитывали ему провизии: он бледнел, потом краснел, а пальцы его сжимали рукава парчовой мантии так, что трещала ткань.

«Вы не смеете, я помазанник Божий», — прошептал он, но Симон де Монфор ответил: «Бог помазует королей для народа, а не народ для короля, сир».

Генрих сдался, ибо за стенами зала стояла армия баронов, и их мечи были острее любого божественного права, так Англия, ослабленная изнутри, потеряла контроль над тем, что происходило за ее границами.

А за границами, в Уэльсе, поднимал голову Лливелин ап Грифид, человек, которого историки назовут Последним, и не зря. Я слышу его голос в хрониках: «Мой дед объединял Гвинед, мой отец расширял границы, но я, Лливелин, сделаю Уэльс государством».

И он действительно добился того, что в 1258 году все валлийские лорды принесли ему оммаж, такого не случалось со времен короля Грифида, сто лет назад.

«Пока английский король грызется со своими баронами, мы возьмем свое», — сказал он своим воинам, и те, горные стрелки, привыкшие к голоду и ветру, закричали так, что эхо донеслось до Шрусбери. Лливелин знал, что ему нужны союзники, и он протянул руку через море.

Шотландия в тот год видела своего юного короля Александра III, которому едва минуло семнадцать, но он уже понимал больше, чем иные седовласые советники.

«Я не мальчик, дядя, — сказал он Комину, когда тот попытался навязать ему свою волю. — И я помню, что Генрих должен мне тысячу марок за приданое моей матери».

Он собрал армию и двинулся к Джедборо, заявив английским посланникам: «Переговоры будут здесь, на моей земле, и мои люди будут стоять с мечами, пока мы говорим».

Я вижу эту сцену: молодой король, рыжий и гордый, сидит на камне, а английские послы бледнеют, глядя на шотландские копыя вокруг, и несмотря на все это, шотландские лорды, тайно и вопреки воле Александра, уже шептались с валлийцами о союзе против Англии. Старые интриги плелись вокруг юного короля, как паутина вокруг мухи.

На севере, в холодных фьордах Норвегии, сидел на троне Хакон IV Старый, и его взгляд был устремлен на юг, к теплым водам Гебридов.

«Англия слаба, Шотландия молода, Уэльс мятежен, — говорил он своим ярлам, попивая медовуху из рога. — Нам стоит лишь показать флот, и они приползут просить мира».

Я представляю его улыбку, холодную, как северный ветер, когда он отказывается от короны императора Священной Римской империи, потому что ему важнее Гебриды и Ирландское море.

«Я не хочу править всей Европой, — сказал он послу папы, — я хочу, чтобы мои корабли стояли у берегов Эрина».

И он послал гонцов и к Лливелину, и к шотландцам, и к ирландцам, предлагая помощь в обмен на вассальную клятву. Но каждый из кельтов знал цену норвежскому слову, и никто не спешил открывать ему свои двери.

Ирландия же была раной, которая гноилась уже сотню лет, с того самого дня, когда норманнские бароны высадились на берегах Уэксфорда. Я брожу по древним курганам Тары и слышу голоса вождей, которые собираются в тайне: «Долго ли мы будем терпеть их шерифов и их налоги? — говорит О'Нейл, стуча кулаком по дубовому столу. — Они сажают наших детей в свои тюрьмы и называют нас дикарями».

Маккарти, старый и мудрый, качает головой: «Поодиночке нас перережут, как овец, нужен один король, нужен Ард Ри». И все взгляды обращаются к Брайану О'Коннору, который сидит в углу и молчит, взвешивая на ладони свою судьбу.

«Почему я?» — спросил он их, поднимая глаза. Вожди переглянулись, и О'Брайен сказал: «Потому что твой дед гнал норманнов с берегов Шаннона, потому что твоя кровь — кровь королей Коннахта, и потому что никто из нас не доверяет друг другу настолько, чтобы отдать свою жизнь под чужое знамя».

Брайан усмехнулся, но в его усмешке была горечь: «Вы дадите мне войско, но каждый из вас будет тянуть одеяло на себя, и когда англичане придут, вы побежите в свои болота».

«Тогда мы все умрем, — ответил Маккарти, — но умрем как мужчины, а не как рабы».

И Брайан понял, что отказываться нельзя, ибо отказ будет предательством, а предательство хуже смерти. Я поднял кубок: «Клянусь камнем Судьбы, я сделаю Ирландию свободной, даже если для этого мне придется сгореть в аду».

Но единство, как я говорил вам, было призрачным, и едва вожди разошлись по своим крепостям, как начались старые свары.

«О'Нейлы хотят командовать авангардом, а мы, О'Доннеллы, что, будем стоять у них за спиной?» — возмущался старый вождь, швыряя на землю свой меч. Брайану пришлось скакать от замка к замку, как нищему, выпрашивающему милостыню, только вместо хлеба он просил воинов и терпение.

«Послушайте меня, — говорил он, стоя перед толпой вооруженных кернов, — если мы не пойдем вместе, нас сожрут по кускам, как волки рвут стадо овец, разбредшееся по полю».

Он говорил о древних королях, о Брайане Бору, разбившем викингов при Клонтарфе, и о том, что нынешний час — единственный шанс, и некоторые верили ему, а некоторые ждали, чтобы ударить в спину, ибо такова природа человека.

Англичане же в Дублине, погрязшие в своих дрязгах, даже не подозревали, что творится у них за спиной. Наместник короля, сэр Джон Фицджеральд, сидел за столом в своем замке и диктовал письмо Генриху: «Ваше Величество, в Ирландии тишина, дикари смиренны, налоги собираются исправно».

Я вижу, как его секретарь, ирландец по рождению, прячет усмешку в рукаве, ибо он только что передал донесение О'Коннору. Фицджеральд был уверен, что ирландцы разбегутся при первом же блеске рыцарского доспеха, как это было при Каллане и Хейнсбридже.

«Они варвары, — говорил он своим офицерам, — у них нет дисциплины, нет стратегии, есть только ярость, которая гаснет быстрее, чем горит торф».

Его офицеры кивали, но в их глазах я вижу сомнение, потому что старые солдаты помнили: ирландцы умеют воевать в болотах и лесах.

«Мы разобьем их, когда они выйдут на равнину», — заявил один из рыцарей, и зал загудел одобрительно. Но Брайан О'Коннор не собирался выходить на равнину, он знал свои козыри: засады, болота, ночные набеги и страх, который он сеял в сердцах английских гарнизонов.

«Не дайте им собраться, — приказывал он своим отрядам, — жгите их амбары, режьте скот, перебивайте их гонцов».

Каждую ночь в Ирландии горели английские деревни, и крики женщин и детей заглушались воем ветра. Наместник терял контроль, его гарнизоны таяли от дезертирства и болезней, а королевские налоги не поступали в казну, и Генрих, занятый войной с баронами, требовал от него невозможного.

«Пришлите подкрепление, — писал Фицджеральд в Лондон, — иначе я отвечаю только за стены Дублина». Но подкрепления не было, ибо у Генриха их не было.

Я смотрю на карту, и вижу, как Брайан отправлял послов к Лливелину: «Бей англичан с запада, а мы ударим с востока, и они зажмутся между двумя огнями».

«Что ты дашь мне взамен?» — спросил Лливелин, и Брайан ответил: «Свободу, князь, только свободу». К шотландцам он слал письма с предложением совместного удара по норвежцам, зная, что это понравится Александру III, который мечтал очистить Гебриды от Хакона.

«Брайан хитер, как лис, и вероломен, как змея», — говорили о нем враги, и они были правы: он играл на всех столах одновременно, но я чувствую его боль, его усталость, его бессонные ночи, когда он смотрел на звезды и думал: «Господи, зачем я взял эту корону, ведь она убьет меня». Однако пути назад не было, ибо за ним стоял народ, который ждал чуда.

Город на болоте

Я вышел из своего дома на рассвете, и первое, что ударило мне в нос, это смесь торфяного дыма и сырости, которая поднималась от болот, окружавших Типперери со всех сторон. Городок просыпался медленно, как старый пьяница после долгой ночи: где-то скрипнула дверь, где-то залаяла собака, а вдалеке петух прокричал свой утренний гимн солнцу, которое еще не показалось из-за холмов. Я ступил на главную грунтовую дорогу, и под ногами захлюпала грязь, перемешанная с навозом и соломой, запах, к которому я привык, но который всякий раз напоминал мне, что я живу не в Дублине, и слава богу. Над городом возвышался деревянный частокол, почерневший от дождей и времени, и я, глядя на него, подумал, что эти бревна видели больше войн, чем мы все, вместе взятые. Дозорные на вышке лениво переговаривались, их голоса доносились сверху, и один из них, узнав меня, махнул рукой: «Эй, вождь, не забудь сегодня зайти в кожевную, там твой новый щит почти готов».

Я кивнул ему и направился к площади, где стояла церквушка, маленькая, сложенная из дикого камня, с узкими окнами, похожими на бойницы. Ее колокол, старый и потрескавшийся, молчал, но я знал, что в полдень он загудит так, что глухая старуха у ворот проснется. Вокруг церкви толпились крестьянки с корзинами, они продавали яйца и творог, и от них пахло кислым молоком и свежей зеленью.

«Доброго утра, сир Брайан», — сказала одна из них, низко кланяясь, и я заметил, что ее плащ, залатанный в семи местах, был когда-то красным, но выцвел до грязно-розового. Я улыбнулся ей и двинулся дальше, к хлебному рынку, где уже начинался гул голосов, тележных колес и мычания скота. Там, под открытым небом, на дощатых прилавках лежали караваи ржаного хлеба, и я понял, что голоден, хотя завтракать сегодня не собирался. Рынок был сердцем Типперери, и каждый день он бился в этом ритме: громко, суетливо, с надрывом.

Я подошел к прилавку, где старый О'Мэлли торговал не только хлебом, но и дровами, аккуратно сложенными рядом в поленницу.

«Брайан, сын моей покойной кухни, — закричал он, завидев меня, — возьми каравай, свежий, еще теплый!».

Его лицо было изрезано морщинами, как старая карта, и я подумал, что он пережил три голода и двух английских наместников, и все равно улыбается. Я взял хлеб, надломил его, и запах свежей ржаной муки смешался с запахом влажной древесины, лежавшей рядом, — это был аромат труда и жизни, грубой, но честной.

«Как дела, О'Мэлли? Твоя дочь вышла замуж?» — спросил я, жуя хлеб, и он рассмеялся: «Вышла, за кузнеца из Корка, теперь он нам делает подковы за полцены».

Мы поговорили еще немного о дождях, которые портят урожай, и о ценах на зерно, и я пообещал ему, что лично скажу дозорным, чтобы пропускали его подводы без лишней взятки. Покидая его прилавок, я услышал, как он крикнул вслед: «Ты береги себя, вождь, англичане не дремлют», — и я почувствовал, как эта фраза, как камень, упала мне на плечи.

От рынка я свернул к кожевной мастерской, и запах изменился резко и беспощадно: вместо хлеба и дров, мои ноздри втянули вонь квашеной кожи и щелочи, которая выжигала глаза и оседала в горле. Мастерская стояла чуть поодаль от жилых домов, и не случайно, потому что никто в здравом уме не строил бы дом рядом с этим зловонием. Я вошел внутрь, где Финтан, мастер-кожевник, стоял по колено в чану с дубильной жидкостью, и его руки были черны от работы.

«Твой щит, сир, — сказал он, не оборачиваясь, — я натянул кожу так, что она выдержит удар копыя, а с края я добавил железные полосы, как ты просил».

Он показал на щит, и я увидел его, круглый, прочный, с выбитой на нем древней спиралью, той самой, что была на знамени моих предков. Я провел пальцем по коже, она была глад-

кой и холодной, и от нее пахло свежим дубом и животным жиром, который Финтан использовал для пропитки.

«Сколько я должен тебе?» — спросил я, и он ответил: «Ничего, пока ты не вернешь нам наши земли, а там посмотрим», — и мы оба рассмеялись горьким смехом.

Я вышел из мастерской и направился к казармам дозорных, которые стояли у самой стены частокола, длинное бревенчатое здание с закопченной трубой, из которой валил серый дым. Там, у входа, сидели трое парней, чистивших свои мечи тряпками, и их лица были серьезны, как у людей, которые знают, что враг может прийти в любую минуту.

«Ну, парни, как служба?» — спросил я, садясь рядом на бревно, и старший из них, Пэдди, ответил: «Скучно, сир, вчера только и делали, что гнали пьяного шотландского торговца, который хотел залезть на стену».

Я усмехнулся и заметил, что их рубахи протерты на локтях, а сапоги стоптаны, город небогат, и дозорные спят на соломе, укрываясь старыми плащами.

«Вы бы хоть новое обмундирование получили, если б я мог собрать налоги», — сказал я, и они заулыбались, понимая, что это шутка.

«Да мы и так проживем, — сказал самый молодой, рыжий парнишка с веснушками, — а вот вы, сир, берегите себя, мы слышали, англичане собирают войско».

Я кивнул и поднялся, чувствуя тяжесть их слов. Дорога вела меня дальше, к южным воротам, откуда открывался вид на грунтовый тракт, уходящий в сторону Корка — большого города, куда Типперери продавал хлеб, а покупал соль и железо. Там, у ворот, стояла повозка торговца, который грузил мешки с зерном, и я услышал его разговор с дозорным.

«Корк живет торговлей с англичанами, — говорил купец, пожилой мужчина с лукавыми глазами, — там у них причалы, корабли, а у нас только болото и надежда».

«Зато у нас свобода, — ответил дозорный, — а в Корке они лижут сапоги наместнику». Я подошел ближе и увидел, что мешки с зерном прошиты грубой бечевой, а на повозке лежит сверток тканей, которые купец вез на продажу.

«Добрый день, — сказал я, — скажи, что нового в Корке?».

Купец скривился: «Новости плохие, сир, англичане строят новый форт у реки, и наши купцы платят налог за каждый ввезенный мешок».

Я поблагодарил его за новости и пошел дальше, обходя лужи и грязь, чувствуя, как сапоги вязнут в раскисшей земле. Город был мал, но в нем было всё для жизни: церквушка давала утешение, рынок кормил, казармы защищали, а мастерская создавала вещи, которые делали эту жизнь чуть легче. Я шел и смотрел на людей: на женщину, несущую ведро воды, на мальчишку, бегущего с корзинкой яиц, на старика, сидящего у порога своей хибары и точащего нож. Все они были частью меня, и я был частью их, и каждое утро я напоминал себе, что именно ради них я взял на себя эту корону. Запах дыма, хлеба, кожи и грязи смешивался в моем носу в единый аромат дома, и я вдруг остро понял, как много я готов отдать, чтобы этот запах никогда не сменился запахом английской конюшни, и в этот миг я решил, что обязательно зайду в бордель, который стоял на окраине, не потому, что мне нужна была женщина, а потому, что там всегда знали самые свежие новости.

Бордель «Три гарпии» был приземистым домом с красными ставнями и дымовой трубой, из которой шел странный, сладковатый дым, кто-то курил травы, привезенные из Испании. Я толкнул дверь, и меня встретила волна тепла, смешанного с запахом пота, дешевых духов и прогорклого масла, в котором жарили лепешки. Хозяйка, толстуха Мейв, сидела за столом и перебирала монеты, и при виде меня она растянула рот в улыбке: «О, Брайан, какой гость, проходи, у меня есть для тебя эль, и не тот, что продают на рынке, а настоящий».

Я сел на лавку, и она поставила передо мной глиняную кружку, от которой пахло хмелем и медом. Я сделал глоток, терпкий, горьковатый, согревающий живот, и сказал: «Мейв, рассказывай, что слышно от твоих девочек, они ведь язык без костей».

Она заговорщически подмигнула и наклонилась ко мне так близко, что я учуял запах чеснока: «Говорят, что английский наместник в Дублине ищет людей, чтобы отравить тебя, но мои девочки узнали имя отравителя, и я скажу тебе, если ты дашь мне слово, что не убьешь его сразу».

В углу зала три девушки сидели на лавках, одна играла на лютне, две перешептывались, и их платья были ярко-алыми и зелеными, единственные яркие пятна в этом сером городе. Одна из них, молодая черноглазая Бесс, подошла ко мне с чашкой и сказала: «Сир Брайан, не верьте тому, что говорят о нас, мы передаем только правду».

Я взял ее руку, холодную и дрожащую, и спросил: «А что говорят о нас, Бесс? Что мы — мятежники, рабы или просто гордые дураки?»

Она тихо рассмеялась: «Говорят, что мы — последняя надежда Эрина, и что если ты падешь, то падет Ирландия, и никогда не встанет».

Я выпил свой эль до дна, оставил на столе монету и вышел наружу, и холодный утренний ветер ударил мне в лицо, отрезвляя и напоминая о том, что сегодняшний день только начало. Город Типперери жил своей жизнью, пах и звучал, и я поклялся себе, что сделаю всё, чтобы эти звуки и запахи никогда не смолкли.

Южный бастион

Я выехал из Типперери на рассвете, и дорога до Корка заняла у меня почти полдня, потому что дожди размыли грунтовку, и лошадь вязла в грязи по бабки. Ветер дул с юга, принося с собой соленый запах моря, и я уже издали учуял Корк. Город пах рыбой, водорослями и мокрым деревом, смешанными с дымом тысяч очагов. Когда я подъехал к деревянным стенам, дозорные на вышках окликнули меня, и я поднял руку с моим знаком, чтобы они поняли, что я свой. Ворота со скрипом отворились, и меня встретил шум большого города: грохот телег, крики торговцев, мычание коров и звон кузнечных молотов, от которых закладывало уши. Корк был в четыре раза больше Типперери, здесь жило почти пять тысяч душ, и я почувствовал себя муравьем, попавшим в муравейник. Я направил лошадь к дому наместника, который стоял на главной площади, и уже на полпути меня перехватил посыльный.

«Сир Брайан, наместник ждет вас, — сказал мальчишка лет четырнадцати, запыхавшийся и красный от быстрого бега. — Он приказал проводить вас сразу в зал, как только вы появитесь».

Я спешил у крыльца, отдал поводья конюху, и тот с поклоном увёл моего мерина в конюшню, а я, ступая по каменным ступеням, уже слышал громкий голос Финина Маккарти, который раздавался из открытого окна. Дверь распахнулась, и я увидел его — высокого, широкоплечего парня двадцати восьми лет, с рыжей бородой и глазами, которые смотрели так твердо, будто он видел врага за каждым углом.

«Брайан, старый волк! — закричал он, хлопнув меня по плечу так, что я чуть не упал. — Я знал, что ты приедешь, и уже приказал налить нам эля!»

Его голос гремел на весь зал, и я понял, что передо мной не просто наместник, а человек, способный вести за собой армию одной лишь силой своего характера.

Финин был хорош в атаке, я знал это по его боям с норманнами, когда он лично врубался в строй врага с топором в каждой руке, оставляя за собой кровавый след. Он не терпел медлительности в командовании, когда на его отряд напали в засаде близ Килларни, он за полчаса перестроил оборону, вывел людей из окружения и сам прикрывал отступление, при этом ранив трех английских рыцарей. Как руководитель он был жесток и справедлив, я слышал, что он лично разбирал тяжбы на рынке, и ни один купец не смел обвесить покупателя, потому что Финин отрубал пальцы за обман. На его поясе висел тяжелый меч, а на груди красовался доспех из кованой стали, который блестел даже в тусклом утреннем свете, проникающем через узкие окна зала.

«Я пришел за лучниками, Финин, — сказал я, садясь на деревянную скамью и принимая из его рук глиняную кружку. — Твои стрелки нужны мне для битвы, и я знаю, что лучших в Ирландии не найти, кроме как в твоём гарнизоне».

Он усмехнулся, обнажив крепкие зубы, и хлопнул в ладоши, призывая своего оруженосца.

«Сейчас ты увидишь моих ребят, — сказал он, ведя меня на плац за домом, — они стоят каждого золотого, что я на них потратил».

На плацу выстроились два отряда по двадцать человек, и я сразу увидел, что это не просто стрелки, а воины, прошедшие огонь и воду. Их луки были длиннее обычного, почти в рост человека, из тисового дерева, которое гнулось, но не ломалось, а колчаны висели за спиной, туго набитые стрелами с оперением из гусиных перьев. На них были легкие кожаные куртки, прошитые железными пластинами, и короткие плащи из серой шерсти, которые не мешали движению рук при стрельбе.

«Эти парни кладут стрелу на тетиву за три удара сердца, — сказал Финин, похлопывая одного из них по плечу, — и я видел, как они пробивали кольчугу с сотни шагов».

Я подошел к одному лучнику, и он посмотрел на меня спокойно, без страха, с той уверенностью, которая бывает только у людей, знающих цену своей жизни.

«Вы готовы идти за мной в бой?» — спросил я, и он коротко ответил: «Мы готовы за тебя, сир Брайан, и за нашу землю».

Пока мы с Финином осматривали лучников, я успел оглядеть Корк, который раскинулся вокруг плаца, и понял, что это город-труженик, в отличие от моего Типперери, который был скорее крепостью-сторожем. Деревянные стены Корка были выше и толще, с двойными воротами, обитыми железом, а за ними стояли дома из камня и дерева, которые лепились друг к другу так плотно, что через крыши можно было перейти с улицы на улицу. На площади гудел рынок средних размеров, где торговали рыбой, солью, шерстью и глиняной посудой, привезенной из Англии, и запах соленой трески смешивался с запахом свежей выпечки. Неподалеку от рынка стояла церквушка, сложенная из серого известняка, с колокольной, на которой висел большой колокол, и я заметил, что камни у ее основания выщерблены временем и дождями. Чуть дальше, на окраине, дымила кожевенная мастерская, которая была здесь в два раза больше типперерийской, и от нее тянуло той же удушливой вонью, только мощнее, разъедающей ноздри.

Но главным сокровищем Корка был порт — небольшая гавань, защищенная от волн каменным молом, где стояли рыбацьи лодки и несколько торговых кораблей с высокими мачтами. Я спустился к причалу и увидел, как матросы таскают бочки с соленой рыбой и тюки шерсти, которые отправляли в Англию, и как портовые грузчики, полуголые и потные, ругались на смеси английского и ирландского. Вода в гавани была мутной и зеленой, пахла водорослями и тухлой рыбой, и я увидел, как на дне у стенки копошатся крабы.

«У нас здесь бывает до десяти кораблей в месяц, — сказал Финин, подходя ко мне сзади, — и это приносит казне хорошие деньги, если, конечно, англичане не обдирают нас пошлинами».

Я кивнул, понимая, что порт это артерия города, и перерезать ее означало убить Корк. Мы пошли обратно в город, и Финин показал мне поля, которые он расширил за стенами.

«Посмотри, Брайан, это моя гордость, — сказал он, указывая на расчищенные участки земли, которые тянулись на милю к югу от города. — Когда я стал наместником, здесь были леса и болота, а теперь — общинные поля, и каждый житель Корка имеет свой надел».

Он подвел меня к краю поля, и я увидел, как крестьяне копошатся на земле, сажая ячмень и овес, и как их жены полют сорняки, согнувшись в три погибели.

«Я измерил всё точно, — продолжал Финин, разводя руками, — каждый надел — сорок шагов в длину и двадцать в ширину, ни больше ни меньше, и я лично слежу, чтобы никто не отнимал чужого». Поля были разделены канавами для стока воды, и я увидел, что земля рыхлая, черная от перегноя, и пахнет свежей пахотой и навозом.

«Это ты молодец, — сказал я ему, — если мы победим, такие поля прокормят нас зимой, когда враг будет голодать».

Финин усмехнулся и сплюнул в траву: «Они не будут голодать, они даже не дойдут до наших полей, потому что мы встретим их на подступах».

Мы вернулись в город, и Финин пригласил меня в свой дом на обед, где уже дымилась похлебка из баранины с ячменем, заправленная диким чесноком и луком. За столом мы ели руками, обмакивая хлеб в густой навар, и запивали крепким элем, который был горьковат на вкус, но отлично утолял жажду после долгой дороги.

«Сегодня вечером я хочу показать тебе еще кое-что, — сказал Финин, жуя кусок мяса, — у нас есть бордель для моряков, и там ты услышишь новости из Англии раньше, чем их принесут гонцы».

Я усмехнулся, вспомнив свою утреннюю прогулку в Типперери, и подумал, что заведения такого рода, это лучшие шпионские сети в Ирландии.

«Веди», — сказал я, и мы вышли из дома, оставляя позади полупустые тарелки и глиняные кружки.

Корк готовился к вечеру: улицы стали тише, рынок сворачивался, и я заметил, как женщины собирают с прилавков оставшийся товар, а мужчины тащат телеги в сараи. Над городом сгустились тучи, и ветер с моря усилился, принося запах дождя и соли, и я накинул капюшон плаща, чувствуя, как мелкая морось начинает бить по лицу.

«В такую погоду англичане не нападут, — сказал Финин, — они боятся грязи, их лошади вязнут, а наши парни привыкли к слякоти».

Я кивнул, зная, что он прав: ирландские воины, босые и легкие, скользили по мокрым полям как угри, в то время как тяжелые рыцари тонули в жидкой грязи. Люди на улицах были одеты просто: мужчины в шерстяных туниках и кожаных бриджах, женщины в льняных рубашках и длинных юбках, большинство в плащах с капюшонами, которые защищали от дождя. Мы шли через город, и я слышал, как в домах звенит посуда, пахло вареной капустой и жареной рыбой, ужин готовился повсеместно.

Бордель «Соленый ветер» стоял у самого порта, и его окна светились желтым светом свечей, а изнутри доносились пьяные голоса и смех. Мы вошли внутрь, и нас обдало жаром и запахом дешевого вина, пота и прогорклого жира, смешанного с ладаном, которым хозяйка пыталась перебить вонь. За столами сидели моряки: обветренные лица, мозолистые руки, грязные рубашки, и девушки в ярких платьях кружились между ними, разнося кружки с элем. Финин повел меня в угол, где сидел старый седой шкипер с трубкой в зубах, и тот, увидев наместника, закивал: «Финин, друг, я привез новости, и они плохие, ведь англичане наняли конницу в Уэльсе, и они идут сюда».

Я сел напротив шкипера и заказал кружку медовухи, и, сделав глоток, почувствовал, как тепло разливается по телу, смешиваясь с горьким осознанием надвигающейся бури.

«Сколько их?» — спросил я, и шкипер покачал головой: «Больше пяти сотен, и с ними — корабли из Бристоля».

Я допил медовуху, оставил монету на столе и вышел в ночь, где дождь уже лил как из ведра, и Корк исчезал в темноте. Завтра я везу лучников в Типперери.

Дорога на север

Утро в Корке встретило нас серым небом и мелким морсящим дождем, который, казалось, проникал под одежду быстрее, чем я успевал накинуть плащ. Финин Маккарти стоял у ворот и сжимал мою руку так крепко, будто хотел оторвать ее и оставить себе на память.

«Брайан, — сказал он, глядя мне в глаза с той суровой нежностью, которую я редко видел у него, — прощай, и пусть боги хранят тебя на этом пути».

Я кивнул, чувствуя ком в горле, и спросил его о том, что меня мучило всю ночь: «Что ты будешь делать в ближайший год, пока я буду собирать армию?»

Финин усмехнулся, поправил перевязь меча и сказал: «У меня есть план, который укрепит Корк так, что англичане будут кусать локти, глядя на нас».

«Я подготовлю торговца, — продолжил он, отводя меня в сторону от ворот, где нас не могли слышать дозорные, — человека по имени Донал О'Салливан, который знает все порты от Бордо до Бристоля и может продать любой товар, даже если он пахнет кровью».

Он рассказал мне, что Донал будет закупать в Англии железо и оружие, притворяясь простым купцом, а на самом деле передавать эти грузы в руки наших людей.

«Но этого мало, — сказал Финин, — мне нужны корабли, и я уже заказал два когга у плотников, которые работают на верфи за мысом».

Я поднял бровь, и он пояснил: «Когги — это тяжелые торговые суда с высокими бортами, они ходят под парусом и могут взять на борт до ста тонн груза, а если приставить к ним лучников, то станут крепостями на воде».

Он повел меня к верфи, где уже лежали на стапелях остовы кораблей, и я увидел, как плотники, полуголые и мокрые от пота и дождя, вбивают огромные дубовые доски в шпангоуты.

«Их строят из дуба, который растет здесь, в лесах Манстера, — сказал Финин, — каждый когг требует сто пятьдесят деревьев, и мои люди рубят их уже полгода».

Он показал на нос корабля, где крепился массивный таран, и пояснил, что когги вооружены катапультами, которые могут метать каменные ядра в корабли противника.

«Для города Корка эти суда — как легкие для тела, — сказал он, — они будут привозить соль, железо и вино, а в случае войны, защищать порт от английских каперов».

Я провел рукой по свежей древесине, пахнущей смолой и опилками, и понял, что Финин мыслит далеко вперед, строит не просто корабли, а надежду на выживание.

«Через год у нас будет флот из трех коггов, — добавил он, — и тогда ни один английский корабль не войдет в нашу гавань без нашего позволения».

Мы вернулись к воротам, где меня ждали мои двадцать всадников, которых я отобрал лично, самых надежных и проверенных в боях. Среди них выделялся Катал О'Брайен, высокий и худой, как жердь, с длинными черными волосами, заплетенными в косы, и глазами, которые смотрели на мир с вечной усмешкой. На нем была кольчужная рубаха, вся в царапинах и вмятинах, и тяжелый меч, который он носил на левом боку — отцовский меч, и я знал, что Катал никогда не промахивается в сече. Рядом с ним стоял Муртаг, коренастый медведь с рыжей бородой, которая закрывала половину лица, и он носил не кольчугу, а толстый кожаный доспех с железными пластинами, нашитыми вручную его женой. Его оружием был не меч, а тяжелый боевой топор, и я видел, как он сносил головы врагам одним ударом.

«Катал, Муртаг, — сказал я, — вы поедете впереди, разведывайте дорогу и берегитесь засад».

Муртаг хмыкнул, поглаживая топорщице, и ответил: «Лучше береги себя, сир, а мы как-нибудь прорвемся».

Рядом с ними стояли остальные: Шеймус, который был тих и молчалив, но славился своим умением обращаться с лошадьми и находить броды в любых реках, и Патрик — весельчак, остролов, который умел разрядить обстановку шуткой даже перед битвой. Доспехи у всех были разные: кто-то носил старые норманнские хауберки, снятые с убитых врагов, кто-то самодельные кожаные доспехи, прошитые железными кольцами, и лишь у меня был новый металлический нагрудник, который Финтан сделал в Типперери. По характеру все они были огнем и водой: Катал — хладнокровный стратег, Муртаг — горячая голова, Шеймус — молчаливый труженик, Патрик — душа компании. Но я знал, что в бою каждый из них закроет меня собой, не думая ни секунды. Мы сели на коней, и я оглянулся на Финина, который стоял у ворот с поднятой рукой. Он крикнул мне вслед: «Брайан, не сдохни раньше времени, у меня для тебя еще есть медовуха!»

Я дал знак, и мы двинулись на север по дороге, которая вилась через равнины и холмы, и за нами, на расстоянии полумили, растянулись полторы сотни лучников, те самые, которых мне отдал Финин. Дорога была мокрой и скользкой, лошади шли шагом, чтобы не поскользнуться, и я слышал позади себя шум множества ног. Лучники, легкие на подъем, бежали босиком или в мягких кожаных сапогах. Один из командиров отрядов, мужчина лет тридцати по имени Коннор О'Мэлли, догнал меня верхом на низкой крепкой лошадке и поравнялся со мной. Он был коренастым, с обветренным лицом и шрамами на руках, которые выдавали старого воина, прошедшего не одну кампанию.

«Сир Брайан, — сказал он тихо, чтобы не привлекать внимания, — мои парни спрашивают, далеко ли нам до Типперери и можно ли будет поесть горячего».

Я ответил: «До города еще полдня пути, но у реки мы сделаем привал и разведем костры».

Второй командир, Тадг О'Нейл, был полной противоположностью Коннора: высокий, жилистый, с пронзительными серыми глазами и лицом, которое редко улыбалось. Он носил легкий шлем, украшенный кожаным наносником, и его лук был длиннее обычного, сделанный из особого тиса, который, как говорили, рос только в одном месте в лесах под Килларни.

«Сир, — сказал он, подъезжая с другой стороны, — мои люди хотят знать, будут ли они сражаться в Уэльсе или мы останемся здесь, на своей земле».

Я покачал головой: «Мы будем сражаться здесь, в Ирландии, потому что англичане придут сюда, и их надо встретить лицом к лицу, а не бегать за ними по чужим горам».

Тадг кивнул, и в его глазах я увидел удовлетворение человека, который не хочет умирать за чужую землю. Он подтянул подпругу и отъехал обратно к своему отряду, и я услышал, как он крикнул своим лучникам: «Слышали? Мы бьем англичан на своей земле!»

Мы ехали дальше, и за нами тянулись лучники, которые были одеты в серые и коричневые плащи, смешивающиеся с цветом дождливого дня, и я заметил, что они шли легко, без видимой усталости, переговариваясь между собой на ирландском. Я повернулся к Коннору и спросил: «Почему они говорят на нашем языке, а не на английском, ведь многие из них служили норманнским лордам?»

Коннор усмехнулся: «Они говорят так, потому что даже когда они молчат, они думают по-ирландски, а английский, это язык приказов, которые они выполняют, ненавидя каждого того, кто их отдает».

Он рассказал мне, что многие из его лучников потеряли родных в английских карательных походах, и они не простили этого, хотя и вынуждены были носить луки для чужих баронов.

«Теперь они носят луки для тебя, и это делает их счастливее, — сказал Коннор, — потому что они знают, что стреляют ради своей земли, а не ради чужой короны».

Я посмотрел на этих парней, которые шли, не жалуясь на дождь и грязь, и почувствовал, как гордость заполняет мою грудь. Тадг, который ехал чуть впереди, внезапно остановился и поднял руку, приказывая отряду остановиться.

«Сир, — крикнул он, — впереди река, и она разлилась из-за дождей, мы не сможем перейти ее вброд, нужно искать брод выше по течению».

Мы с Каталом и Муртагом подъехали к берегу, и я увидел бурлящий поток грязной воды, который угрожающе шумел, унося с собой ветки и коряги.

«Здесь кто-нибудь знает эти места?» — спросил я, и Шеймус, молчаливый лошадиник, вышел вперед, кивнул и сказал: «Я знаю брод в полумиле к западу, там есть песчаное дно, и лошади пройдут».

Мы повернули к западу, и лучники, не сбавляя шага, последовали за нами, и я слышал их разговоры о том, что в этом месте когда-то утонул английский рыцарь, пытавшийся переправиться в доспехах.

«Хороший был человек, — сказал один из них с усмешкой, — после того как он утонул, его лошадь переплыла и привела к нам его меч».

Я улыбнулся этой ирландской черте, смеяться над смертью врага и превращать его гибель в легенду. Мы переправились через реку, и лошади по брюхо вошли в воду, которая была холодной и быстро текущей, но песчаное дно держало копыта твердо, и я почувствовал, как конь напрягает все мышцы, чтобы устоять против течения. Лучники переходили реку цепочкой, держа луки над головой, чтобы не намочить тетиву, и я заметил, как Коннор подбадривал своих парней громким голосом: «Не бойтесь воды, она не кусается, она только моет!»

На другом берегу мы вытерлись плащами и перекусили сухим хлебом и вяленым мясом, запивая водой из фляг, и я почувствовал, как усталость начинает брать свое. Солнце, пробив-

пись через облака, на мгновение осветило холмы на западе, и я увидел, как вдалеке темнеют стены Типперери.

«Еще немного, — сказал я Кату, — и мы будем дома».

Тень в ночи

Мы добрались до Типперери, когда солнце уже село за горизонт, и город встретил нас запахом дыма и приготовленной похлебки, который смешивался с сырой вечерней прохладой. Я устал до дрожи в коленях, и первое, что я сделал, спешившись у своего дома, это приказал конюху отвести лошадь и задать ей овса, а сам направился к двери, мечтая о горячем эле и покое. Ночь опустилась на город быстро, как черная мантия, и я уже собирался зажечь свечу, когда услышал странный звук за спиной, скрип половицы там, где его не должно было быть. Я обернулся, но в темноте никого не увидел, и решил, что это просто ветер играет со старым деревом, однако где-то в глубине сознания зажглась искра тревоги. Я взял в руку кинжал, который всегда лежал у изголовья, и сделал шаг в сторону окна, чтобы лучше видеть комнату, и тогда я услышал хрип, короткий, сдавленный, а затем глухой удар тела, падающего на землю за дверью.

Я распахнул дверь и увидел Аули — человека, которого многие в Ирландии называли «Тенью», и он стоял над телом, еще дышащим, но уже обреченным. Его лицо, худое и бесстрастное, было освещено отблеском свечи, которую он зажег одной рукой, и я заметил, что он успел достать из-за пояса длинный тонкий кинжал, который он держал в левой руке.

«Сир Брайан, — сказал он голосом, лишенным всякой эмоции, — этот человек пришел убить вас, но я оказался быстрее».

Он наклонился к телу, и я увидел, что убийца, тот самый наемник, который сидел в борделе «Три гарпии» и слушал мои разговоры с Мейв. Аули перевернул его на спину, и я заметил на шее умирающего тонкую, почти невидимую нить, которая впилась в кожу. Аули задушил его струной, а затем добил ударом кинжала в основание черепа.

«Он был послан англичанами, — сказал Аули, вытирая кинжал о плащ убитого, — но он даже не успел вынуть свой нож».

Я посмотрел на тело и почувствовал, как холод пробежал по моей спине: покушение было реальным, и только вмешательство этого хладнокровного человека спасло мне жизнь.

«Кто ты, Аули? — спросил я, поднимая свечу, чтобы лучше разглядеть его, — и почему ты здесь, в моем доме, в этот час?»

Он усмехнулся, странная улыбка, которая не касалась его глаз, и сказал: «Я наемник, сир, но я работаю не за золото, а за идею, и моя идея — свободная Ирландия, без англичан и их прихвостней».

Он рассказал мне, что следил за убийцей еще с тех пор, как тот появился в Корке, и знал, что он пойдет за мной до самого Типперери.

«Я не мог позволить ему убить вас, — сказал Аули, — потому что без вас у нас нет будущего, а с вами, есть хоть маленький шанс».

Он помог мне оттащить тело в угол двора, и я приказал служанке позвать дозорных, чтобы они убрали труп до утра.

«Но это не всё, сир, — продолжил он, садясь на лавку и жестом приглашая меня сесть напротив, — у меня есть для вас новости похуже».

Аули взял мою кружку с элем, отпил глоток и спокойно сказал: «Я знаю, что в Ирландии есть еще один убийца, которого нанял английский наместник, и его зовут Финиан. Он прячется в окрестностях Ольстера, в лесах, и ждет своего часа, чтобы нанести удар».

Я почувствовал, как кровь прилила к голове, и спросил: «Как ты узнал об этом?» Аули пожал плечами: «У меня есть свои источники, сир, такие же, как я, и они работают не за деньги, а за землю, которую мы потеряли».

Он рассказал мне, что Финиан — опытный убийца, бывший лучник, который служил у англичан, но перешел на их сторону за обещание поместья в Манстере.

«Он опасен, — добавил Аули, — потому что он знает нашу тактику, он говорит на нашем языке и умеет ждать, затаившись в траве».

Я сжал кулаки, чувствуя гнев и страх одновременно, но Аули поднял руку: «Не волнуйтесь, сир, я найду Финиана, и он умрет так же тихо, как этот, но для этого мне нужна помощь».

«У меня есть сеть лазутчиков, — сказал Аули, понижая голос, — и они работают на нас, на свободную Ирландию, и их имена я не назову вам, потому что чем меньше вы знаете, тем дольше проживете».

Но он рассказал мне, что рядом с Ольстером действует лазутчик по имени Николас, который притворяется торговцем шерстью, а на самом деле шпионит за английскими гарнизонами и передает сведения о передвижении войск. Двое других, Ронан и Лорин, работают близ Ланкастера, в самой Англии, и они собирают информацию о планах Генриха III и его баронов, а также о флоте, который готовят для вторжения в Ирландию.

«Эти трое — наши глаза на вражеской территории, — сказал Аули, — и без них мы слепы, глухи и немые, как рыба на суше».

Я спросил, как они передают информацию на такие большие расстояния, и Аули улыбнулся той же странной улыбкой: «Почтовые голуби, сир, это древнее искусство, которое мы переняли у сарацин, и оно никогда не подводит».

«У нас есть голубятни в каждом большом городе, — пояснил Аули, — и голуби обучены летать из Ланкастера в Дублин, из Дублина в Ольстер, и везде есть люди, которые знают, как принять и прочитать шифрованное письмо».

Он рассказал мне, что голубей готовят на рынках и в борделях, в тайных комнатах, где опытные ветераны — старые воины, которые уже не могут сражаться, но умеют обращаться с птицами, учат их маршрутам и передают с ними крошечные пергаменты.

«Птица умеет летать со скоростью пятьдесят миль в день, — сказал Аули, — и если ветер попутный, то весть из Ланкастера доходит до Ольстера за три дня, а до нас — за четыре».

Он добавил, что каждая голубятня содержит не менее двадцати птиц, чтобы замена всегда была готова, и что содержат их старейшины родов на деньги из общей казны, которую собирают тайно, крупица по крупице.

«Эти старейшины, — сказал Аули, — и есть настоящие герои, сир, потому что они рискуют жизнью, передавая голубей через границы, а англичане казнят за птицу так же, как за меч».

Я сидел пораженный, осозная, что за моей спиной существует целая армия теней, которая давно ведет свою войну.

«Подготовка лазутчика — это целая наука, — продолжал Аули, и я заметил, что он говорит о работе с уважением человека, который знает каждую деталь, — их одевают так, чтобы они не выделялись: серые плащи, простые куртки, никаких цветов и украшений, чтобы их лицо запоминалось не дольше, чем засыхает лужа».

Он рассказал, что внешность лазутчика должна быть максимально скучной: среднего роста, неприметное лицо, никаких шрамов или татуировок, которые могли бы быть опознаны.

«Их учат менять образ мыслей, — добавил Аули, — они должны думать как торговцы, когда они торгуют, как крестьяне, когда пашут, и как воины, только когда убивают, и это нелегко».

Некоторые из них работают по десять лет, и их собственная семья не знает, чем они занимаются на самом деле, принимая их за беспутных бродяг или неудачников.

«Я сам был таким, — сказал Аули, и в его голосе впервые мелькнула теплая нотка, — я провел три года в Лондоне, служа лакеем у английского барона, и никто не понял, что я разговариваю с голубями каждое утро».

Я спросил его, как он стал убийцей, и он ответил коротко, но в его словах было столько боли, что я не решился перебивать: «Мой отец был кожевником в Уэксфорде, и англичане

сожгли его мастерскую, когда он отказался платить двойной налог, а потом убили его при попытке к бегству».

"Мне было двенадцать лет, когда я ушел из дома, и я поклялся над его могилой, что посвящу жизнь тому, чтобы избавить Ирландию от чужаков, — сказал он, и я увидел в его глазах стальной блеск. — Я стал наемником, потому что это единственный путь, которым я умею идти, и я убиваю только тех, кто заслуживает смерти, — это моя судьба».

Я почувствовал неловкость перед этим человеком, который отдал свою душу ради моей борьбы, и понял, что не имею права отказываться от его помощи.

«Аули, — сказал я, — ты останешься в моем доме до тех пор, пока мы не найдем Финиана, и ты будешь моей тенью».

Он кивнул, молча, без лишних слов, и я знал, что это обещание крепче любой клятвы на крови.

Ночь стояла темная, и я сидел у окна, глядя на Типперери, который спал, не зная, как близко была смерть от его короля. Аули ушел в тень, и я знал, что он будет наблюдать до рассвета, как ночной страж, который никогда не смыкает глаз. Мысль о Финиане в Ольстере не давала мне покоя, и я вдруг остро ощутил, что враг не только снаружи, но и внутри, и что каждый прохожий может оказаться убийцей. Аули оставил мне маленький пергамент, где был план ланкастерского порта, нарисованный Ронаном, и я рассмотрел его при свече, запоминая каждый причал и каждую сторожевую башню.

«Война будет долгой, — сказал я себе, — и она будет вестись не только на поле боя, но и в этих узких улочках, в этих тайных комнатах, на этих чердаках, где живут голуби». Я погасил свечу и закрыл глаза, но сон не шел, потому что в моей голове кружились голоса и лица: Аули, Финиан, Николас, Ронан, Лорин, все эти люди, которых я никогда не видел, но которые делали меня сильнее, а на столе, в тени, лежал длинный кинжал Аули, тонкий и холодный, как лезвие судьбы.

Глаза и уши войны

На следующий день после смотра я призвал Аули к себе в дом, и мы сели за дубовый стол, на котором лежала карта Ирландии, испещренная пометками и крестами.

«Аули, — сказал я, глядя ему прямо в глаза, — мне нужна связь с нашими лазутчиками. Пусть Николас разведает оборону замка Атенри на севере, Лорин узнает, что происходит в Дублине, а Ронан разберется с крепостью Трим».

Аули кивнул молча, и я увидел, как его пальцы уже потянулись к маленькому пергаменту, который он достал из-за пазухи, и он начал писать короткие шифрованные послания на ирландском, перемежая их условными знаками. Через час голуби уже летели на север, и я стоял на крыше своего дома, глядя, как они исчезают в сером небе, неся с собой мои вопросы и мою надежду. Мы ждали три дня, и каждый из них тянулся как вечность, потому что я знал: от этих ответов зависит, пойдем ли мы в бой или будем сидеть за стенами Типперери, и на четвертое утро Аули принес мне пергамент, скрученный в крошечные трубочки, и я развернул их дрожащими руками.

Первое сообщение было от Николаса, который работал в окрестностях Ольстера, и я прочитал его вслух, чувствуя, как в груди нарастает напряжение: «Замок Атенри стоит на холме у реки, в день пути к северу от твоей позиции, и он целиком построен из дуба, стены высотой в две сажени, а ворота обиты железом».

Я закрыл глаза и представил эту крепость: деревянные стены, черные от времени и дождей, с дозорными башнями, на которых стоят лучники, и с глубоким рвом, заполненным водой, который делает штурм почти невозможным без осадных лестниц.

«Внутри замка, — писал Николас, — находятся тридцать хобиларов — легких всадников, которые патрулируют окрестности и могут в любой момент выйти в поле, чтобы атаковать нас с фланга».

Хобилары, я знал, это не рыцари в тяжелых доспехах, а быстрые наездники на маленьких лошадях, вооруженные легкими копьями и мечами, и они опасны своей скоростью и маневренностью, как осы, которые жалят и улетают.

«Всадники эти, — продолжал я читать, — одеты в кольчуги и кожаные доспехи, но у них нет тяжелых лат, как у английских рыцарей, поэтому они слабы против дальних атак, если их застать врасплох».

Я подумал, что тридцать хобиларов, не самая большая угроза, если мы встретим их плотным строем дейшей или лучников, способных сбивать всадников до того, как они сблизятся.

Далее в письме Николас сообщил о гарнизоне замка: «До шестидесяти крестьян с луками стоят на стенах, и они обучены стрелять по наступающим, хотя их оружие уступает нашему в дальности и точности».

Я усмехнулся, подумав о своих лучниках из Корка, которые прошивали кольчугу на ста шагах, тогда как эти крестьяне едва могли попасть в цель на тридцати, и их стрелы были легче и слабее.

«За крестьянами идут ополченцы с копьями, их до полутора сотен, и они эффективны против пехоты, но против всадников они слабы, потому что их строй не имеет защиты от тарана», — читал я дальше.

Эти копейщики, как я понял, были основной силой замка, и они могли выстроиться стеной перед воротами, чтобы встретить нас. Но я знал, что наша тактика — заманивать врага в ловушку, расстреливать из луков, а потом добивать дейшами — сломает этот строй. Николас также упомянул «до полутора сотен крестьян с вилами, вооруженных кто чем, и они составляют вторую линию обороны, но против профессиональных воинов они долго не продержатся».

Я представил и этих людей, которые взяли в руки сельскохозяйственные орудия только потому, что их заставил наместник, и в их глазах нет ненависти к нам, только страх перед хозяевами.

Население замка Атенри составляло более тысячи человек, и я, читая дальше, понял, что это настоящий маленький городок, в котором живут ирландцы и англичане бок о бок, но разделенные стеной страха и вражды.

«Простые люди, ирландцы, — писал Николас, — составляют больше тысячи душ, и они ненавидят английских хозяев, но боятся поднять голову, потому что за любой бунт казнят семьи».

Среди них есть кузнецы, кожевники, плотники, которые могли бы стать нашими союзниками, если бы мы дали им знак и защиту. Англичан в замке до пятисот человек, включая солдат, их семьи и чиновников, и они составляют привилегированный слой, который живет в центральной части крепости, за дополнительной внутренней стеной.

«Я поговорил с одним из ирландских стражников, — добавил Николас, — и он сказал, что гарнизон готов сдаться, если мы появимся с достаточной силой, потому что они устали от налогов и поборов».

Я отложил пергамент и посмотрел на Аули, который стоял у окна и молча ждал моего решения. Я перечитал письмо еще раз и задумался над каждым подразделением, взвешивая силы врага как торговец взвешивает золото. Тридцать хобиларов, это было серьезно, но если мы встретим их метким залпом лучников, лошади испугаются, и всадники потеряют строй, а тогда их можно будет перебить поодиночке. Шестидесять крестьян с луками, это лишь шум, они не причинят нам большого вреда, потому что их стрелы не пробивают наши кожаные доспехи, а точность их оставляет желать лучшего. Полторы сотни копейщиков, вот где настоящая сила,

и их нужно или обойти, или рассеять ложной атакой, а потом ударить с фланга. Полторы сотни крестьян с вилами, это не бойцы, они разбегутся при первом же крике, если мы их не прижмем к стенам, и я не хочу убивать своих же ирландцев, которые взяли в руки оружие по принуждению. Я понял, что мы можем атаковать, и даже более того, мы должны атаковать, потому что слабость замка очевидна.

«Аули, — сказал я, поднимая глаза на своего теневого убийцу, — мы атакуем Атенри, но не прямой атакой, а хитростью».

Я объяснил ему свой план: мы разделимся на две группы, одна отвлечет гарнизон ложным штурмом с юга, а вторая, с лучниками и дейшами, ударит с севера, где ворота охраняются меньше всего. «Тридцать хобиларов выйдут из ворот, чтобы разогнать нашу ложную атаку, и тогда их встретят твои лучники, которые будут лежать в засаде за холмом», — сказал я. Копейщики, увидев гибель всадников, потеряют уверенность, и их строй распадется, а тогда в дело вступят черные рыцари, которые сомнут оставшихся защитников. Крестьяне с вилами, скорее всего, побросают оружие и побегут в лес, и мы не будем их преследовать, потому что они не враги, а запуганные люди.

«Но если мы начнем штурм и затайем его, — добавил я, — англичане внутри замка успеют послать гонцов в Дублин, и тогда нам придется иметь дело с подкреплением». Аули кивнул, и я увидел в его глазах холодное одобрение.

Два удара

Письмо от Ронана из-под стен Трима пришло на пятый день, и я вскрыл пергамент с тяжелым сердцем, потому что знал: крепость эта — стальной кулак в центре Ирландии. Ронан писал, что в Триме сейчас находится сам наместник Морис Фицжеральд, человек сорока шести лет, которого я знал по слухам как хитрого и жестокого лиса, прожившего всю жизнь в седле и за столом переговоров.

«Фицжеральд высок ростом, сух и жилист, с седыми висками и холодными серыми глазами, — читал я, — и он носит черный плащ с золотой вышивкой, под которым всегда скрыт кинжал, готовый к удару».

Я представил его, человека, который пережил три восстания, подавил их с беспощадностью, но никогда не лез в бой первым, предпочитая посылать других на смерть.

«Он умен, сир, — добавлял Ронан, — и он знает, что вы собираете армию, потому что его шпионы работают быстрее наших голубей».

Я стиснул зубы, понимая, что этот враг не будет ждать нашей атаки, он сам ударит, когда сочтет момент удобным.

«В Триме, — продолжал Ронан, — находятся тридцать рыцарей-феодалов, настоящая элита, закованная в сталь с ног до головы, с мечами из испанской стали и щитами, украшенными их гербами».

Эти рыцари, я знал, не те наемники, которые воюют за золото, а лорды, владеющие землями, и они будут сражаться до последнего, потому что за их спинами стоят их семьи и замки.

«Они прекрасно обучены, сир, — писал Ронан, — и их лошади — тяжелые боевые кони, которые не боятся ни шума, ни дыма, ни копий».

Я подумал, что против такой конницы наши дейши и лучники могут оказаться бесполезны, потому что сталь не пробивается легкими дротиками, а стрелы отскакивают от лат, как от камней. Но я также знал, что тяжелая конница вязнет в болотах и лесах, и если мы заманим рыцарей в трясины, их доспехи станут их могилой.

«Это будет бой не на равнине, — сказал я себе, — а в грязи, где наши легкие воины быстрее и маневреннее».

«За ними, — читал я дальше, — стоят сто двадцать пеших рыцарей в полной броне, с длинными мечами и тяжелыми копьями, и они построены в фалангу, которая сметает все на своем пути».

Я представил эту стену стали и дерева, щиты сомкнуты, копья направлены вперед, и ни один всадник не прорвет этот строй в лоб.

«Эти люди — ветераны многих кампаний, сир, они сражались во Франции и Уэльсе, и они не бегут, даже когда видят, что проигрывают».

Я понимал, что против такой фаланги нужна не сила, а хитрость: нужно или обойти ее с флангов, или рассеять ложным отступлением, заставив их разорвать строй и преследовать.

«Они медленны, — подумал я, — и если мы заставим их бежать за нами через лес, их порядок нарушится, и тогда каждый из них станет легкой добычей».

Но я знал, что для этого нужны терпение и точный расчет, потому что один неверный шаг и фаланга переломает наши ряды.

«Сто пятьдесят ветеранов-англичан в кольчугах и с копьями, — сообщал Ронан, — составляют третью линию обороны Трима, и они опытнее всех остальных, потому что прошли через сотню стычек».

Эти люди, я знал, не были рыцарями по рождению, но они были воинами по призванию: наемники и профессиональные солдаты, которые сражаются за плату и за страх перед своими хозяевами.

«Они умеют работать в строю, — писал Ронан, — и их копья длиннее наших, что дает им преимущество на расстоянии».

Я подумал, что против них лучше всего использовать наших лучников, которые могут поражать их с дистанции, где их копья бесполезны, и дейшей, которые могут осыпать их дротиками, как дождем.

«Крестьян в Триме сто двадцать человек, — читал я дальше, — они вооружены луками и вилами, и они слабее, но их много, и они могут заполнить бреши в строю, если мы их не разгоним».

Я понимал, что эта армия мощная, даже грозная, и штурмовать Трим в лоб было бы безумием, которое стоило бы мне всех моих людей.

«Мы не пойдем на Трим, — решил я, — по крайней мере, пока не захватим Атенри и не соберем достаточно сил».

Второе письмо пришло от Лорина из Дублина, и я вскрыл его с еще большей тревогой, потому что Дублин был сердцем английского владычества в Ирландии.

«Дублин окружен каменными стенами, — писал Лорин, — и в городе живет почти пятнадцать тысяч человек, из которых до семидесяти процентов — ирландцы, но они находятся на положении слуг и рабов».

Я знал этот город, бывал в нем дважды в молодости, и его высокие стены и мрачные башни всегда давили на меня своей тяжестью, как крышка гроба.

«За стенами стоят тридцать первоклассных рыцарей, — читал я, — и еще тридцать в кольчугах, но послабее, и все они на конях, готовые выехать в любой момент для защиты города».

Я подумал, что это всего шестьдесят всадников, но их поддерживают другие силы, и Дублин не взять без долгой осады, на которую у меня нет ни времени, ни людей.

«Там еще есть до двухсот двадцати копейщиков и до ста двадцати лучников, — продолжал Лорин, — и они стоят на стенах, готовые отразить любую атаку».

Я мысленно взвесил эти силы: шестьдесят рыцарей, это серьезная конница, способная разогнать любое войско на открытой местности, но в тесных улочках города их преимущество теряется. Двести двадцать копейщиков, это стена, которую можно обойти или разбить стрелами, но она закроет все подходы к воротам, и нам придется прорываться через узкий коридор.

«Строй лучников в сто двадцать человек, и они стоят на стенах, где они практически неуязвимы для наших атак, и нам пришлось бы штурмовать их под градом стрел», — думал я. Но самым страшным было то, что Лорин сообщил о флоте, стоящем в дублинской гавани: «Эскадра адмирала Стивена состоит из хольков и коггов, и я насчитал двенадцать выпелов». Я знал эти корабли, и знал их силу, потому что видел их в бою, когда они блокировали ирландские порты, отрезая нас от континентальной торговли.

«Хольки, — вспомнил я рассказы Финина в Корке, — это быстрые и маневренные суда с высокими носами и кормами, они построены из легкого дерева и ходят под парусами, имея на борту до сорока гребцов для боя в штиль».

Они вооружены небольшими баллистами, которые могут метать стрелы в корабли противника, и на их палубах всегда есть отряд лучников и абордажной команды.

«Когги, — думал я, — это тяжелые и неповоротливые корабли, но их борта выше, а трюмы вместительнее, и они возят грузы или солдат, превращаясь в плавучие крепости при абордаже».

На коггах установлены катапульты для метания камней, и их экипаж обычно больше, чем на хольках, но они медленнее и требуют хорошего ветра.

«Что на их бортах, — писал Лорин, — неизвестно, потому что корабли закрыты от глаз, но, судя по осадке, они везут солдат или оружие».

Я представил, как эти суда подходят к ирландским берегам и высаживают сотни солдат, и холод пробежал по моей спине.

Я сидел над письмами, и в моей голове кружились цифры, лица, карты: Трим, Дублин, Атенри, все эти силы, которые стояли на пути к свободе. Морис Фицджеральд в Тримере, этот лис будет ждать, пока мы ослабеем, и ударит в спину, как только мы отвлечемся на Дублин, с его стенами слишком крепкий орешек, чтобы разгрызть его сейчас, но если мы возьмем Атенри, мыотрежем наместника от подкреплений и заставим его сидеть в своей каменной клетке. Флот адмирала Стивена — угроза, которая может высадить войска в любом месте побережья, но у нас нет флота, чтобы противостоять ему в море, поэтому мы должны действовать на суше, быстро и безжалостно.

«Дублин слишком силен для нас сегодня, — сказал я Аули, который стоял рядом и молча слушал, — но мы сделаем его слабее, захватив Атенри и перерезав дороги, по которым идет припасы».

Я свернул пергаменты и спрятал их в сумку, чувствуя тяжесть знания, которое давило на плечи, как камень.

«Мы не будем штурмовать ни Трим, ни Дублин, — сказал я своим командирам, когда мы собрались у костра, — мы возьмем Атенри, и это будет наш первый шаг, наш первый камень в стене, которую мы построим из английских надежд».

Я объяснил им, что Трим это ловушка, где Фицджеральд ждет нас с открытыми объятиями, но он не выйдет из своей крепости, если мы не бросим ему вызов, а мы не бросим. Дублин это тюрьма для ирландцев, и если мы освободим Атенри, весть об этом разнесется по всей стране, и ирландцы в Дублине поднимут головы, и наместник потеряет контроль над городом. Флот адмирала Стивена может бомбить нас с моря, но мы уйдем в леса и болота, где его корабли бессильны.

«Мы будем бить маленькими ударами, — сказал я, — мы не дадим им собраться, мы заставим их гоняться за нами по всей Ирландии, пока они не выдохнутся».

Командиры закивали, и в их глазах я увидел понимание и решимость. Я снова посмотрел на письмо Ронана и задумался о Морисе Фицджеральде: этот человек не бросится в бой, он будет ждать, сидя в своем кресле и перебирая варианты, как шахматист перед доской. Но я знал, что у него есть слабость, его гордость, его уверенность в том, что ирландцы никогда не смогут объединиться и победить.

«Он думает, что мы разбежимся при первом же ударе, как это было при его отце, и он ошибется», — сказал я себе. Тридцать рыцарей-феодалов это вызов, но они не умеют воевать в лесах, они привыкли к открытым полям и турнирам, а мы дадим им бой в грязи. Сто двадцать пеших рыцарей это сила, но они медленны, как стада, и мы будем кружить вокруг них, как волки кружат вокруг быка, пока он не упадет от усталости. А сто пятьдесят ветеранов — это опыт, но опыт против отчаяния, и я знаю, что отчаяние часто побеждает опыт, потому что у него нет границ.

Я посмотрел на небо, где собирались тучи, и подумал, что погода наш союзник, потому что дождь превращает дороги в болота, а болота — наши поля битвы. Англичане боятся грязи, они боятся испортить доспехи и сапоги, они боятся неизвестности, которая скрывается за каждым кустом и за каждым холмом. Мы же, ирландцы, родились в этой грязи, мы выросли в этих лесах, мы знаем каждую тропинку и каждое болото, и мы используем это знание как оружие.

«Скоро мы выступаем на Атенри, — сказал я, — и когда, этот замок падет, и тогда весь мир узнает, что Ирландия не сдастся».

Я встал, и мои воины поднялись за мной, и я услышал, как ветер донес до нас отдаленный крик ночной птицы, знак, который я принял за доброе предзнаменование. Мы разошлись по палаткам, и я лег на свою постель, но сон не шел, потому что в моей голове все еще звучали цифры: тридцать, сто двадцать, сто пятьдесят и я считал их, как пастух считает овец перед бурей.

Смотр у стен Типперери

Утро выдалось ясным и холодным, и я стоял на деревянном помосте у восточных ворот Типперери, глядя, как на равнину перед городом стекаются люди со всех концов Ирландии. Я приказал дать клич еще на заре, и гонцы разнесли весть по окрестным селам: «Король Брайан набирает отряд дейшей — метателей дротиков, лучших в своем деле, и каждый, кто умеет бросать копье на пятьдесят шагов, получит плату и землю».

К полудню передо мной стояло уже больше сотни кандидатов, и я смотрел на них с неподдельным интересом, потому что среди них были и старые воины, и молодые парни, которые впервые взяли оружие в руки. Дейши — так мы называли их на ирландском, — были одеты в легкие льняные рубахи и кожаные куртки, которые не стесняли движений, а на поясах у них висело по три-четыре коротких дротика с железными наконечниками. Их лица были обветрены ветрами, руки мозолисты от постоянных тренировок, и каждый из них смотрел на меня с надеждой и решимостью. Я прошел вдоль строя, и один из них, парень с рыжими кудрями, выкрикнул: «Сир, я из-под Килларни, мой отец учил меня метать дротик, когда мне было семь лет, и я попадаю в яблоко на сорока шагах!»

Я кивнул ему, и в его словах я услышал ту же гордость, что жила во всех нас. Я приказал устроить смотр всем моим силам, и первыми передо мной прошли мои двадцать телохранителей, те самые всадники, с которыми я вернулся из Корка. Катал О'Брайен ехал впереди на вороном жеребце, его черные волосы развевались на ветру, и он гордо нес на плече отцовский меч, который блестел даже под серым небом. Рядом с ним шагал Муртаг, сжимая свой боевой топор, и я видел, как его жена вчера заново нашла железные пластины на его кожаную куртку, чтобы он выглядел достойно перед армией. За ними ехали остальные: Шеймус, Патрик, и я знал каждого из них, их привычки и слабости, и доверял им как себе. Но самым зрелищным был отряд, который я назвал «черными рыцарями» — тридцать благородных воинов, закованных в кованые доспехи, которые были выкрашены в глубокий черный цвет, чтобы внушать ужас врагам. Их возглавлял Эйдан О'Рейли, могучий мужчина с седой гривой и шрамами на лице, который в одиночку убил семерых норманнов в битве при Лох-Шилинне и стал живой легендой среди наших людей.

Эйдан был командиром от природы, он не кричал приказов, а просто смотрел на своих людей, и те выстраивались так, как он хотел, будто их вел невидимый дух. Его доспех был тяжелее, чем у остальных: кольчуга до колен, поверх нее прикреплен стальной нагрудник с выбитой на нем волчьей головой, а на голове шлем с забралом, который он поднимал только во время еды или разговора с королем. Двое других черных рыцарей — братья Коналл и Доналл, стояли чуть позади, и их оружием были не мечи, а длинные копья с широкими наконечниками, которыми они могли опрокинуть всадника вместе с лошадью. Коналл был старшим, серьезным и молчаливым, а Доналл — младшим, с вечной ухмылкой на лице, который любил подшучивать над врагами перед боем.

«Сир Брайан, — сказал Эйдан, подъезжая ко мне на могучем сером коне, — мои рыцари готовы сражаться за вас до последнего дыхания, и я ручаюсь за каждого из них как за себя».

Я пожал ему руку, и в этом рукопожатии было больше обещаний, чем в любых клятвах. За черными рыцарями выстроились пять отрядов лучников, и среди них особенно выделялись два отряда из Корка, которые привел Коннор О'Мэлли. Я заметил, что их кожаные доспехи были толще и прочнее, чем у остальных, с металлическими прокладками в тех местах, куда обычно приходился удар вражеского меча.

«Это наши лучшие стрелки, сир, — сказал Коннор, похлопывая по колчану своего ближайшего парня, — они прошивают кольчугу на ста шагах, и у них глаз как у сокола».

Я прошел вдоль их строя и заметил, что их луки были не простые, а из тисового дерева, пропитанного льняным маслом, что делало их гибкими и крепкими даже в сырую погоду. Лучники из других отрядов, набранные из Манстера и Коннахта, выглядели скромнее: их доспехи были тоньше, а луки короче, но я знал, что они не хуже в стрельбе, просто у них не было богатого наместника, который бы их снарядил.

«Вы все равны для меня, — сказал я им, — каждый из вас — стена, за которой стоит Ирландия».

Они закричали что-то одобрительное на своем языке, и я увидел, как Коннор украдкой улынулся, гордясь своими ребятами.

За лучниками стоял отряд кернов — крестьян, которых я приказал собрать из ближайших сел, и они выглядели совсем иначе, чем профессиональные воины. На них была простая одежда, льняные рубахи, кожаные штаны, грубые плащи из овечьей шерсти, а вместо боевых доспехов — деревянные щиты, обтянутые кожей, и короткие копья с обожженными наконечниками. Их лица были обветрены и загорелы от работы в поле, и в их глазах я видел не военную дисциплину, а ту упрямую стойкость, которая делает крестьянина опаснее рыцаря, когда он защищает свой дом.

«Эти парни не умеют строиться, — сказал мне Катал, — но они умеют ждать и бить из засады, и они не боятся крови».

Я подошел к одному из кернов, старику с седой бородой, и спросил: «Ты готов умереть за Ирландию?»

Он усмехнулся, обнажив гнилые зубы, и ответил: «Я уже стар для смерти, сир, но я могу убить за нее».

Я понял, что эти люди наша последняя надежда, ибо они сражаются не за плату, а за землю, которую пашут их дети.

Мы начали тренировку на равнине, и я смотрел, как дейши отрабатывают метание дротиков, бросая их в соломенные мишени, установленные в пятидесяти шагах от строя. Каждый бросок был точен, и я слышал, как дротики втыкаются в солому с глухим стуком, пробивая ее насквозь и выходя с другой стороны.

«Дейши — наше секретное оружие, — сказал я Эйдану, наблюдая за их работой, — они могут остановить конную атаку раньше, чем рыцари успеют поднять копья».

Эйдан кивнул: «Да, сир, но их нужно беречь до последнего момента, потому что после трех-четырех бросков они становятся бесполезны, как пустые колчаны».

Я приказал дейшам метать дротики не в одну цель, а врассыпную, чтобы сбить строй врага, и они выполнили это с такой слаженностью, будто тренировались всю жизнь. Я подумал, что в этом наше отличие от англичан, что мы не стоим стеной, мы танцуем, мы уходим, мы возвращаемся, мы никогда не даем врагу понять, где мы ударим в следующий раз.

Черные рыцари тренировались отдельно, отрабатывая удары копьями по деревянным чучелам, и я видел, как Эйдан лично показывал каждому, как наносить смертельный укол в горло противника.

«Англичане тяжелы и неповоротливы, — говорил он своим людям, — они полагаются на доспехи и лошадей, а мы должны полагаться на скорость и точность».

Он рассказывал им о битве при Дун-Менарде, где он видел, как английский рыцарь, застряв в грязи, был забит копьями простыми пехотинцами, потому что не мог подняться из-за тяжести брони.

«Наше преимущество, это мобильность, — продолжал он, — мы бьем и уходим, мы не даем им собраться, мы заставляем их кружиться в болотах, пока они не выдохнутся».

Я слушал его и понимал, что он мыслит как я, что мы видим войну одинаково, как танец смерти, где каждый шаг должен быть быстрее, чем у врага. Мы закончили тренировку к вечеру,

и я сел на землю у костра, окруженный своими командирами, и мы обсуждали тактику, глядя, как солнце уходит за холмы.

«Ирландец не боится дождя, — сказал Катал, жуя кусок вяленого мяса, — а англичанин боится, потому что его доспехи ржавеют, а его лошадь скользит, и он становится легкой добычей».

Мы засмеялись, и я вспомнил, как в детстве отец учил меня: «Ирландия, это не место для тяжелых доспехов, здесь война ведется в лесах и болотах, а не на рыцарских турнирах».

Мы пели старую песню о битве при Клонтарфе, и голоса моих воинов сливались в один гул, который поднимался к звездам: «Мы не умрем, мы не сдадимся, мы будем биться, пока течет кровь в наших жилах».

Я смотрел на своих людей, на черных рыцарей, на лучников, на дейшей, на кернов и чувствовал, что мы действительно едины, что мы, не просто отряды, а живой организм, готовый сражаться и умирать друг за друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.